

ДУХОВНОСТЬ И МЕНТАЛЬНОСТЬ: ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

**Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции,
посвящённой педагогической и научной деятельности
проф. Галины Васильевны Звёздовой
и приуроченной к её юбилею**

Липецк - 2017

УДК 8.07 + 130 + 370.153
ББК 81.411.2
Д 853

Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
Протокол № 4 от 23. 12. 2016 г.

*Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже
XX–XXI веков:* сборник статей по материалам Международной
научно-практической конференции, посвящённой педагогической и научной
деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её
юбилею. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – Ч. 2. –
306 с.

ISBN 978-5-88526-841-7 (Ч. 2)
ISBN 978-5-88526-838-7

В сборнике представлены материалы Международной конференции «Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков» (21–22 марта 2017 г.), посвящённой педагогической и научной деятельности профессора Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею.

В центре внимания авторов сборника проблемы, связанные с сущностью и предназначением языка как «дома бытия» (М. Хайдеггер). Отсюда экология языка и культуры рассматривается авторами в единстве и взаимодействии. В слове воплощается национальная духовность и ментальность, ибо образ слова в значительной степени определяет образ мысли. В сборнике рассматриваются вопросы специфики русской (национальной) школы и её отражения в психолого-педагогической теории.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов, студентов, магистрантов ВУЗов, учителей-словесников.

УДК 8.07 + 130 + 370.153
ББК 81.411.2
Д 853

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор **И.П. Зайцева** (ответственный редактор); доктор филологических наук, профессор **Г.В. Звёздова**; кандидат педагогических наук, доцент **Н.В. Орлова**; кандидат педагогических наук, доцент **Е.Г. Трунова**; учитель **Т.Н. Князева**

ISBN 978-5-88526-841-7 (Ч. 2)
ISBN 978-5-88526-838-7

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2017

роники Тушновой хранят память о прекрасном прошлом, это и позволяет лирической героине выжить в настоящем: она живет, пока помнит.

Мы попытались рассмотреть, как реализуются традиционные для женской лирики мотивы в творчестве Вероники Тушновой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стихотворения В.М. Тушновой цитируются по изд.: Тушнова В.М. Не отрекаются любя... – Москва: Русская книга, 1997.
2. Лукьянчикова Н.В. Образ детства в лирике М.С. Петровых // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2-3. С. 88-90.
3. Михайлова М.С. «Таинственный ребенок»: дети и детское начало в поэзии Беллы Ахмадулиной // Вестник АлтГПА: Гуманитарные науки. – 2010. – № 4. С. 81-86.
4. Николаева Е.А. Женское литературное творчество в России как воплощение особого ментального типа: автореф. дис...д-ра культурологических наук: Саранск, 2005.

Ж.В. Марфина
(г. Луганск)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА НАЗВАНИЙ РОДСТВА В СЕМЕЙНО-БЫТОВОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале украинского фольклора)

Аннотация. В данной статье рассмотрена ценностная составляющая концепта «семья, родня» в текстах украинских народных песен. В статье обосновывается мысль о том, что мир природы и человека с семейными ценностями являются ядерными, неразрывными в сложной этнокультурной коннотативной структуре названий родства. Автор производит детальный анализ фольклорных источников, давший возможность проследить активность названий родства, реализующих этнокультурную семантику.

Ключевые слова: фольклорные тексты, национальная культура, лингвоментальность, этнокультурная семантика, песенный дискурс, конкретно-чувственный синкретизм и символизм.

Abstract. This article describes the value component of the concept "family, relatives" in the texts of Ukrainian folk songs. The article proves the idea that the world of nature and of man with family values is nuclear, being inseparably connected with a complex ethno-cultural connotative structure of kinship names. The author carries out a detailed analysis of folklore sources, which gave an opportunity to trace the activity of kinship names which realize ethno-cultural semantics.

Key words: folk text, national culture, linguomentality, ethno-cultural semantics, discourse, song, specifically-sensual syncretism and symbolism

Фольклорные тексты как неотъемлемая составляющая каждой национальной культуры являются не просто художественным обобщением действительности, но и одновременно – отражением философии и мировоззрения, моральных норм и жизненных принципов, этики и эстетики народа. Такие тексты культуры входят в сложную структуру национальной лингвоментальности, составляя в ней некие «сгустки» культурной памяти поколений в виде целостных произведений и их тематических и сценарно-ритуальных циклов, мини-текстов,

словосочетаний, формул, символических и эстетических знаков, лингвокультурем, духовно-ценностных представлений. Вероятно, неисчерпаемостью эвристического потенциала фольклорного текста и можно объяснить столь постоянное внимание к его жанрово разнообразным и различным по структуре формам.

Особое место в фольклорном наследии украинцев занимают народные песни, которые наряду с такими текстами культуры, как мифы, легенды, думы, сказки, загадки, сохраняют и транспонируют от поколения к поколению информацию о происхождении, истории, национальном поведении определенного этноса, то есть являются «составляющими содержания культуры и воплощением культурных кодов» [8, с. 567].

Украинское народнопоэтическое слово было в центре внимания многих ученых-лингвистов. В работах А. Потебни, Л. Булаховского, И. Белодеда, В. Русанивского, С. Ермоленко, В. Жайворонка, В. Калашника, Л. Мацько, О. Тараненко, Н. Данилюк, Т. Беценко, О. Яковлевой и др. определены особенности украинского народно-песенного дискурса. В частности, С. Ермоленко подчеркивает, что слово народной песни несет информацию «о мире человеческих чувств, притягивает неожиданными ассоциациями между миром живой природы и человеческим поведением и эмоциями. Слово песни своим конкретно-чувственным содержанием помогает проникнуть в природу народной морали, этики, познать украинскую душу» [4, с. 117].

Ученые неоднократно отмечали высокую активность использования в народно-песенных контекстах названий родства (далее – НР), что обосновывает их статус фольклоризмов, т. е. номинаций с этнокультурной семантикой. Это обусловлено, прежде всего, тем, что семья, родственные связи являются для представителей всех восточнославянских народов важной составляющей быта, социальной и личной жизни человека.

НР, как утверждают исследователи, относятся к наиболее древним слоям исконной украинской лексики, берущим свое начало в индоевропейском лексическом фонде и прошедшим становление в праславянском и общеславянском периодах [9, с. 101; 6, с. 117; 3, с. 211]. В. Передриенко отмечает, что НР как предметно-тематическая группа «связаны с общим бытием человека, принадлежат основному словарному фонду и характеризуются значительной устойчивостью» [7, с. 69]. Особенность НР, по свидетельству ученого, – это «историческая перспектива», то есть способность без ограничений распространяться в различных жанрах и стилях [7, с. 70]. Под этнокультурной семантикой НР понимаем их периферийные семы, поддающиеся выявлению и конкретизации только в специфических тексто-дискурсивных условиях.

По наблюдениям ученых, такие НР, как *мати* (мама, *матуся*, *матусенька*, *ненька* и под.) (рус. мать, мама, мамочка), *батько* (отец) (рус. отец) относятся к языковым единицам, «наполненным этнокультурным содержанием» [5, с. 64, 2, с. 27]. Именно эти номинации наиболее часто встречаются в народно-песенных контекстах.

В украинской народной песне отображено традиционное представление украинцев о взаимоотношениях между членами семьи, их социальном статусе. Ис-

следователи обратили внимание на то, что во многих украинских лирических песнях не отец, а мать изображается как наиболее значимый член семьи [1, с. 15]. В повседневно-бытовых ситуациях *мать* отвечает за воспитание детей, определяет их дальнейшую судьбу. Этим объясняется типичное употребление уменьшительно-ласкательных форм номинации *мать*, зачастую сопровождаемое сочетанием постоянных эпитетов с ярко выраженной позитивной семантикой, например, *рідная* (рус. родная), *вірная* (рус. верная), и выступающего средством интимизации притяжательного местоимения *моя*: *Приходила моя матінка, Приходила моя рідная, Приходила моя вірная*. Кроме номинативных фольклорных формул, НР *мать* в структуре соответствующих сочетаний часто выступает в роли обращения: *Було тобі, моя рідна мати, Цих брів не давати, Було б тобі, моя рідна мати, Щастя, щастя-долю дати!* («Ой, у лузі та ще й при березі...»).

Ласковая, заботливая мать – акциональный центр мини-контекстов: *Вона ж мене не обідала, Тільки мене одвідала, Вона ж мене не полуднувала, Тільки мене приголубила...* («Іще сонце не заходило»).

Повседневные бытовые отношения в семье являются центральными мотивами в украинской лирике. Если с НР *батько* (рос. отец) сопряжены духовно-ценностные представления о главе рода, который цветет (процветает) под его опекой (метафора жизни), пор.: *Я в батька була, так як цвіт цвіла, Тепер я стала, як трава в'яла, Куди летіла – трава шуміла, А де ж я впала, там річка встала* («Ой, давно, давно»); *Де б я не ходила, де б я не була, Щиро тобі, тато, дякувала. Дякую тобі, тато, за твою веселу хату, Більш не буду, не буду* («Де б я не ходила»), то в отношении НР *мама, ненька* наблюдаем стереотипизацию культурного кода 'опека': *Спасибі тобі, моя ненько, Що будила мене раненько, А я слухала, вставала Та рушнички напярла* («Та спасибі тобі, моя ненько»); *Де б я не ходила, де б я не була, Всюди тобі, мамо, дякувала. Дякувала тобі, мамо, що будила мене рано, Більш не будеш, не будеш* («Де б я не ходила»). Со стороны же дочери песенный фольклор отражает акциональную семантику уважения (*дякувала* 'благодарила').

Во внутренней форме НР *мать, отец* народно-песенные тексты стереотипизировали этнокультурную сему 'советчица/советчик для детей': *Озирнеться моя матінка, Озирнеться моя рідная, Порадонька вірная...* («Іще сонце не заходило»); *Мати моя, мати, Пораднице в хаті, Порадь, мене, моя мати, Як нелюба звати. Як нелюба звати, Як з ним говорити Та Як мені, молоденькій, З ним вік дожити* («Мати моя, мати, Пораднице в хаті»); *Ой, пуцу я кониченька в саду, А сам піду к отцю на пораду* («Ой, пуцу я кониченька в саду»).

Родители в бытовой этнокультуре – участники обрядовых действий сватанья, женитьбы, замужества, венчания и т. п.: *Та й не жалко мені та й ні кого, Тільки жалко мені на отця свого. На отця свого, на старенького: Оженив він мене молоденького!* («Та й не жалко мені»).

Народно-песенный фольклор соответствующей тематики содержит обобщенные словесные образы типичных действий лиц, именуемых с помощью НР, а также их ситуативных реплик.

Анализ таких текстов культуры показывает, что стимулом для песенно-лирической оценки являются трудные жизненные обстоятельства. В лириче-

ских украинских песнях это, как правило, неудачный брак с пьяницей (*Мала мати одну дочку Та й купала у медочку. Та й купала-поливала, Щастя-долі не вгадала За п'яничку oddала* («Мала мати дочку»)), с человеком без хозяйственной жилки: *Ой хотіла мене мати За музику заміж дати, А музика за маляра, Ой нема вдома господаря* («Ой хотіла мене мати»).

Что касается ситуативных реплик дочери или сына, то они вводятся в народно-песенные мини-тексты двумя способами. Первый из них – с помощью соответствующих формул (*казав, говорив* и под.) (*Казав мені батько, Щоб я оженився, По досвідках не ходив Та й не волочився* («Казав мені батько»)). Таким образом, стилизуется диалог с родителем, этнокультурный код 'уважение к слову родителя'. Второй способ – совмещение символического мини-текста (в приведенном ниже примере – словесный мотив *червоної калини над криницею* 'склоненной печальной дивчины') и звукового символа, обращения к матери: *Ой, зацвіла червона калина Над криницею... Горе ж мені, моя матусенько, Жити за п'яницею!* («Ой, зацвіла червона калина»).

Печально-минорные мотивы сопровождают народно-песенные образы женитьбы/замужества против воли, воплощенные в соответствующей песенной фразеологии: *Марусенька по бережку ходе, А за нею вітер хвилю гоне. Марусенька на хвилю ступила, Мати сина силою женила. Мати сина силою женила, По вулиці невістку судила* («Ой, на горі василечки»); *Кохав мене батько, як білу тополя, Дала ж мене мати в тяжкую неволю. Мати, мати, що ти гадала, Що за нелюба світ зав'язала...* (...) *Лучче мені, мати, гарячий пісок їсти, Ніж з нелюбом вечеряти сісти! Лучче ж мене, мати, тяжкий камінь зняти, Ніж за нелюбом та вік коротати* («Кохав мене батько»); *Ой, я вороги стопчу під ноги, Круту гору перескочу; Гей, oddай, oddай мне, мати, заміж За кого я сама схочу. Oddала ж мене матуся моя, За кого я не хотіла... Гей, шумить-гуде дряпана нагайка Коло мого білого тіла* («Ой, прибудь, прибудь»).

С мотивом препятствия в женитьбе сына или замужестве дочери связаны песенные стереотипные сочетания НР с модальными предикатами запрета или повеления: *Ой, я тебе люблю І любити буду, признаюсь по правді – Сватати не буду! Не позволять батько, Не позволять мати, Ще й рід не позволить Дівчиноньку взяти* («Ой, я тебе люблю»); *Ой, зайди, зайди, Місяць, на ту пору, Ой, вийди, вийди, Дівка, у комору. Порадь, дівчино, Що мені казати, Що не велить батько, Тебе, бідну, брати* («Ой, зайди, зайди...»); *Хоч клич, хоч не клич, Мое серденьтко: Рад би я тебе взять, Да не велять батько* («Дрібний дощик іде»); *Ой сину ж мій, сину, Ти моя дитина, Не женися на тій удовиці, Бо щастя не буде!* («Ой хмелю ж мій, хмелю»).

По нашим наблюдениям, синкретизм словесных образов в семейно-бытовом песенном дискурсе мотивирован слиянием этнокультурных сем номинаций коня (*кониченька*), козака (*казаченька*), символизирующих будущее (долю) влюбленных, и имплицированным в семантике других мини-текстовых компонентов отношением к этому будущему родителей, родственников (в том числе, это значение транспонирует слово-символ *хмель*): *По садочку ходжу, Кониченька воджу... Через свою неньку Нежонатий ходжу. Через свою неньку*

ку, *Через рідні сестри Не можу кохану До двору привести* («По садочку ходжу»); *Ой, вийся хмелю, ой, вийся, хмелю, Вище мої хати, вище мої хати! Ой, пусти мене, ой, пусти мене, Мати, погуляти, мати, погуляти. ...Ой, піду, ой, піду я Та до криниченьки, та до криниченьки (...)* Там козаченько ...*Коня напуває, мене дожидає* («Ой, вийся, хмелю»).

Криниця (рус. колодец) – пространственный символ зарождения любви. Поэтому семейно-обрядовый песенный дискурс зафиксировал осторожное отношение родителей к нему, что воплотилось, например, в таких строках: *Летить галка через балку, Літаючи, кряче, Молодая дівчинонька Ходить гаєм, плаче. Не пускає її мати Вранці до криниці, Ні жито жать, ні льону брать, ні на вечорниці* («Летит галка через балку»).

Конкретно-чувственный синкретизм и символизм пронизывают минитексты песенной народной культуры, в которых цветы, молодые деревья, например, ржи, маковки, вишни, тополя, являются духовно-ценностными центрами образов ‘дети в доме родителей до замужества/женитьбы’: *Ти була у батенька, як роженька в городеньку, як вишенька в садочку; А вам, рідний тату, подяку складаю, що ви мене викохали, як квіточку в гаю; Моя донечко, моя топочко, моя донечко, моя маковочко, моя донечко, моя рожка повная!* и. т. п.

Одним из наиболее распространенных является образное отождествление калины и детей, калинового цвета и дочери-красавицы. Обрядовые песни как раз и сохранили этнокультурную семантику слова-символа калина ‘молодость, красота дочери до замужества’: *Цвіт-калину ламала, Ой цвіт-калину ламала, До личенька рівняла. До личенька рівняла, Ой до личенька рівняла Та матінки питала. Та матінки питала, Ой да матінки питала: – Ой чи буду така я? – Будеш, доненько, будеш, Ой, будеш, доненько, будеш, Поки у мене будеш. А як підеши од мене. Ой як підеши од мене, Спаде красонька з тебе* («Де дівчинонька ходила»).

Зафиксированы и употребления НР для обозначения детей с использованием ценностно-кваликативных приложений, свидетельствующих о позитивном настрое в семье по отношению к молодоженам: *Ой уставай, ненько, раненько, Да приїде син-соловейко, Да привезе дочку-лебедочку. Да й не кішкайте, не полохайте, Нехай вона тут привикає Да додому не втікає* («Ой уставай, ненько, раненько»).

Изменения в семье после замужества/женитьбы детей народно-песенный фольклор конкретизирует с помощью контрастных эпитетов «свой, родной» – «чужой», ср.: *Ти куди, доню, ой куди, доню, собираєшся, Що так біло вмиваєшся? – Ой піду, мамо, ой піду, мамо, між чужії люди, Ой там мені добре буде. (...) Ой якби ж тая, ой якби ж тая рідненькая ненька знала, Вона б мені вечерять прислала* («Ти куди, доню, ой куди, доню, собираєшся»); *А я в батька росла, Одиниця була, Мене мати не жаліла – взяла заміж віддала. Віддала мене мати В чужу сторону, В чужу сторону, Між великую сім'ю. А чужа сторона І без вітру шумить – Чужий батько, чужа мати І не б'ють, то болить* («А я в батька росла»); *А батько каже: – Недобра година, Пішла од нас та рідна дитина. Тихо, тихо Дунай воду несе, А ще тихше дівка косу чеше. Вона чеше та на Дунай несе: – Пливи, косо, до свекорка просто, Та послухай, що свекор говоре. А свекорка каже: – Добра година,*

Прийшла до нас чужая дитина, Не zobували – будем заставляти, Не зодягали – будем посилати («Тихо, тихо...»).

В семейно-обрядовом песенном дискурсе диапазон НР расширен за счет таких номинаций, как свекруха, свекор, невестка; сестра, брат: – *Ой як мені сумувати Перестати, Ой як мені та батенька Забувати. Ой як мені до свекорка Привикати, Ой як мені та свекорка Називати. Ой назову я та свекорка Та батеньком. А він мені та батеньком Та й не буде, Тільки мому серденьку Жалкім буде («Суботонька, неділенька...»); Ой, не хоче твоя мати Мене, бідну, знати, Хоче собі багатую Невістку шукати («Ой, не бійся, дівчинонько»).*

Таким образом, анализ украинских народно-песенных текстов дает возможность проследить активность названий родства, реализующих этнокультурную семантику. Эта особенность – быть проводником традиций, обрядов, архетипных представлений о семейном укладе – наиболее ярко выражена в текстовых и мини-текстовых структурах семейно-бытового песенного дискурса. Отмечаем синкретизм народно-поэтических образов матери, отца, сына, дочери, невестки, акциональная активность которых транспонирует символизм и номинации растительного, животного мира, водной стихии. Мир природы и человека с семейными ценностями являются ядерными, неразрывными в сложной этнокультурной коннотативной структуре названий родства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будівський П. О. Українська лірика про сім'ю та побут. – Київ, 1993.
2. Жайворонек В. В. Етнолінгвістика в колі суміжних наук // Мовознавство. 2004. № 5 – 6. С. 23-35.
3. Жайворонек В. Українська етнолінгвістика : Нариси. – Київ : Довіра, 2007.
4. Єрмоленко С. Мова і українознавчий світогляд. – Київ: НДІУ, 2007.
5. Кононенко В. І. Мова і народна культура // Мовознавство. 2001. № 3. С. 62-69.
6. Лисиченко Л.А. Бесіди про рідне слово (слово і його значення). – Харків: ХДПУ, 1993.
7. Передрієнко В.А. Формування української літературної мови XVIII ст. на народній основі. – Київ: Наукова думка, 1979.
8. Совтис Н. Мова як символічний код культури // Літературознавство. Київські полоністичні студії. Том XXIV. С. 563-570.
9. Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія / За заг. ред. І.К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1973.